

Знамя. 1972. № 6; Озеров Я. Книга — судьба // Павлович Н. Сквозь долгие года: Избранные стихи. М., 1977.

М. Ф. Пьяных

ПАЛАМАРЧУК Петр Георгиевич [20.12.1955, Москва — 14.2.1998, Москва] — прозаик, публицист, историк.

Родился в семье военного моряка; дед по отцу — малороссийский литератор, писавший под псевдонимом М. Чечель; дед по матери — маршал П. И. Кошевой, дважды Герой Советского Союза, родословная которого восходит к кошевым атаманам Запорожской Сечи. Окончив в 1978 Ин-т международных отношений, П. 11 лет работал в Ин-те государства и права Академии наук. Защитил канд. дис. об исторических правах России на Арктику, выпустил монографию «**Ядерный экспорт: международно-правовое регулирование**» (1988). В 1990 стал членом правления СП РСФСР. С 1990 по 1994 — заведующий исторической редакцией изд-ва московских писателей «Столица». С 1995 — ведущий рубрики «Русское зарубежье» ж. «Родина».

Начал писать в юности. Христианское «инакомыслие», обретенное уже в юности, в СССР не допускалось, и П. ряд своих работ опубликовал под псевдонимами (В. Денисов, В. Д. Носов и др.) за рубежом — в ж. «Вестник Русского христианского движения», «Континент» (оба — Париж), «Вече» (Франкфурт-на-Майне), «Посев» (Мюнхен), «Рус-

П. Г. Паламарчук

ское Возрождение» (Нью-Йорк, Москва, Париж), в газ. «Русская мысль» (Париж), «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Единение» (Австралия). За подписью «Носов В. Д.» издал в Лондоне худож. исследование «**Ключ к Гоголю**» (1985), раскрывающее религиозное мировоззрение писателя.

За подписью Семен Звонарев выпустил 4-томник «**Сорок сороков. Иллюстрированная история всех московских церквей**» (Париж, 1988–90). Каждую историческую справку П. снабдил подробным перечнем печатных и архивных источников и фотоснимками. 2-е изд. труда вышло в перераб. и доп. виде под настоящим именем автора (М., 1992–96). Уникальный справочник стал живым путеводителем по московским святыням, а также практическим руководством к их восстановлению.

Почти одновременно выступил на родине в качестве литературоведа и историка, публикатора и комментатора русской классики — Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Н. В. Гоголя. Дебютировал в Москве биографической повестью «**Един Державин**» (Лит. учеба. 1982. № 4) с искусной стилизацией под русскую речь XVIII в. Размышляя о тайнах жизни и смерти, опираясь на творчество поэта, П. по-новому прочитал и осмыслил его образ, представил Державина крепким в патриотических убеждениях, отстаивающим самобытные устои народной жизни. В 1986 повесть удостоена всесоюзной премии «за лучшую первую книгу молодого писателя».

В 1989 П. напечатал очерк-исследование «**Александр Солженицын: Путеводитель**» (Кубань. 1989. № 2–5) — первый обстоятельный критико-биографический обзор творчества еще не публикуемого в России писателя-изгнанника (отд. изд. М., 1991).

П. вошел в русскую лит-ру оригинальными и зрелыми произведениями, уверенно заявив о себе как о писателе глубоко православном. Большая часть лит. наследия П. — беспрецедентная попытка создать средствами худож. слова некий всеобъемлющий путеводитель по отечественной истории. В ее реализации соединились объективность летописца, ученость агиографа и талант сказителя. П. прекрасно знает легенды и поверья, былины и были родной страны — от повествований Нестора-летописца и сказаний о граде Китеже до секретных циркуляров КГБ.

Историко-худож. «сказания» П. — «**Чисто поле. Тринадцать современных сказаний**» (1987), романы «**Ивановская горка**» (1989), «**Векопись Софийского со-**

бора Кременца-на-Славе за тысячу лет» (1991), повесть **«Козацкие могилы»** (1990), **«Хроники смутного времени»** (1993) — представляют собой обширные исторические полотна, где перекрещиваются прошлое и настоящее трех частей Руси — Великой, Малой и Белой. «Сказания» — принципиально важные «опыты», возобновляющие традиции отечественного летописания на новом витке исторической спирали. Развитие сюжета здесь нередко отходит на задний план, уступая место религиозным, историческим, философским размышлениям и духовным медитациям.

В книге **«Москва или Третий Рим?: 18 очерков о русской истории и словесности»** (1991) поставлен важнейший вопрос отечественной истории — самобытны ли наши духовность и государственность или они продолжают традиции язычества и иудаизма? П. отвечает с позиций просвещенного патриотизма, не замалчивая острых и дискуссионных проблем. Необычайна широта тематического охвата его произведений: от жизнеописаний русских святых, сказаний о чудотворных иконах и основании монастырей до очерков о восшествии на престол Анны Иоанновны, от рассказа о первой российской поэтессе (императрице Елизавете) и писателях прошлого века до корифеев XX в. — А. Ремизова, В. Набокова, А. Солженицына (с Солженицыным П. роднит не только стремление к решению «вечных вопросов», но и пытливая тяга исторического правдоискательства). Для П. свойственно осмысление совр. событий в контексте не 70-летней, а 1000-летней истории страны.

Удачное обретение нового жанра, сочетающего беллетристику и отечественное летописание, нашло наиболее полное воплощение в книге **«Хроники смутного времени. 1-я ч. — «От преддверия коммунизма до 1000-летия Крещения Руси: Новый Московский летописец»** (1-я публ. в ж. «Вече». 1989–90. № 36–38) — «хроника событий, определивших переход из «преддверия коммунизма» ко «2-му тысячелетию русского православия» (1979–88). 2-я часть — роман о чудесах Богоматери **«Золотой оклад, или Живые души»**, в самом названии которого чувствуется переключки и полемика с Н. Гоголем — любимым писателем П. (и кстати, земляком по малороссийскому происхождению).

Несомненной удачей П. является тщательно выписанный в романе **«Нет. Да»** (Москва. 1995. № 8–9) образ митрополита Иоанна Максимовича, нового святого Рус-

ского зарубежья. Он проступает, как изображение на плащанице — подлинный подвижник, который в отличие от простого смертного обладает не биографией, а житием. Образу подвижника сопутствует драматическая история Белого движения и русской эмиграции 1920-х, открываемая сознанием нашего современника — второго героя романа.

Особенность исторической прозы П. — ведение двух (или более) линий повествования, основанных на контрастах и с использованием чрезвычайно множества исторических источников, рукописей и архивных документов. Обилие отступлений нередко превращает сюжет в подобие лабиринта; вставные новеллы следуют одна за другой, перемежаясь потоком воспоминаний. Фабула развивается не столько в параллельных, сколько в смежных мирах, но даже параллельные прямые у П. сходятся, например в эпилоге — за гранью посюстороннего мира. Лексическое богатство, ассоциативность образов, виртуозное владение словом очевидны, а стилизации (писатель хорошо освоил стилистические особенности книжной, фольклорной, разговорной, простонародной речи разных эпох и приемы самых различных лит. школ) эффективны. О тщательности, с какой П. строит свои произведения, можно сказать словами В. Розанова: «Всюду мера, число, отвес». Отсюда нарочитый схематизм, умелое использование тезиса и антитезиса, варьирование мысли как худож. прием.

Новаторские тенденции позволили П. эволюционировать от беллетристики к своеобразному метафизическому жанру — симбиозу филологии, истории и психологии, примером чего является повесть **«Алфавит и океан. Краегранесие конца и начал»** (1997). Повесть стройна по замыслу; в ней все глубоко символично и осмысленно. Ее герой, в котором угадывается сам автор, решает переписать истрепанную телефонную книжку — «сей путеводитель по телефонному свету». В процессе переписки, когда стираются условные грани между живущими и умершими, повествование переключается в другой регистр, а справочник трансформируется в путеводитель по иной реальности. Перед внутренним оком оживает икона Страшного суда — и у читателя должно открыться духовное зрение. Здесь аккумулирована народная мудрость о четырех досках и аршине земли и евангельская мудрость о «едином на потребу»; реальность переходит в мистику — как это случается в творчестве художников-визионеров.

С 1997 и до своей кончины П.— постоянный автор ж. «Купель», где талантливо проявил себя как детский автор, опубликовав очерки о святых и святой православия, исполненные тонкого лиризма.

За особый творческий вклад в духовное возрождение России и несомненные заслуги перед Русской православной церковью П. в 1997 удостоен Макариевской премии. Многоликое и многожанровое творчество П., крепко связанное с русской историей и православием, устремлено к постижению современности, исходя из прошлого, воспринимаемого как целостный 10-вековой период развития нации.

Общительный, остроумный, доброжелательный ко всем, кто стоит за созидание нашей духовной культуры,— таким навсегда запомнился П., подвижник русского слова и деятельный патриот.

Соч.: Денисов В. Выбор истории // Континент. 1983. № 38; Отечество в опасности! // Рус. мысль. 1983. 10 февр.; Денисов В. Краденый Бог // Континент. 1986. № 48–49; Краденый Бог // Лит. учеба. 1988. № 5; Тридцать тысяч или три тьмы // Дни этого года: сб. М., 1986; Два моих сказания. М., 1987; Ивановская горка: Роман о Московском холме. М., 1989; [Будущее России в соборности]: интервью // Посев. 1990. № 4; Театр Вл. Набокова // Дон. 1990. № 7; Щит веры и меч духа // Родина. 1990. № 8; Козацкие могилы: Повесть, сказания, худож. исследования. М., 1990; Москва или Третий Рим? М., 1991; Пламенная любовь // Вече. 1993. № 49; Крестный путь Русской армии генерала Врангеля: Из семейного архива Апраксиных-Котляревских. Рыбинск, 1996; Наследник Российского престола или... : [сб.]. М., 1997; Клоака Максима, она же Четвертый Рим // Юность. 1997. № 12; Бар-град и святитель Николай // Купель. 1999; Свиток: сб. прозы. М., 2000.

Лит.: Библиография // Паламарчук П. Свиток. М., 2000. С. 630–638; Карпец В. Возвращение памяти // Москва. 1986. № 6; Михайлов О. Уроки Петра Паламарчука // Лит. учеба. 1988. № 5; Кожинов В. О широте мерной и безмерной // Паламарчук П. Ивановская горка. М., 1989; Назаров М. О книгах Петра Паламарчука // Грани. 1991. № 162; Переяслов Н. Средокрестная точка духовности // Москва. 1992. № 7–8; Никитин В. Восьмерка по горизонтали // Независимая газ. 1997. 20 нояб.; Личное дело Петра Паламарчука // Юность. 1997. № 12. С. 9–11; Горянин А. Влюбленный в свою страну // Грани. 1998. № 185; Стрижев А., Никитин В. Свиток судьбы. Петр Георгиевич Паламарчук // Паламарчук П. Свиток. М., 2000. С. 3–8.

В. А. Никитин

ПАНИН (настоящая фамилия Семенин) Михаил Михайлович [14.3.1940, с. Победное

Скопинского р-на Рязанской обл.— 5.9.2003, Петербург] — прозаик.

Родился в семье военнослужащего, детство и юные годы провел на Украине, по месту службы отца, в поселках и городах Днепропетровской обл. В 1963 окончил Днепропетровский металлургический ин-т по специальности инженер-металлург, 3 года работал мастером литейного цеха в Одессе, затем переехал в Ленинград, работал на той же должности. В 1968–70 служил в танковых частях в чине лейтенанта. В армии «с тоски» начал писать прозу. После демобилизации до 1976 работал старшим мастером на ленинградском заводе «Большевик».

Первая публикация — рассказ **«Расстояние»** в ж. «Звезда» (1973. № 5). Со «Звездой» связана и дальнейшая лит. жизнь П. С 1978 он работает в ж. редактором, а затем заведующим отделом прозы. Ближайшие его лит. знакомства завязались также в «Звезде», в лит. объединении при ж., в которое в 1970-е входили М. Глинка, А. Драбкина, Б. Дышленко, А. Житинский, В. Мусаханов, Ю. Пахомов, М. Чулаки, В. Усов и др.

Излюбленный жанр П.— рассказ, но наибольший резонанс вызвали его повести **«Любовь к афоризмам»** (1974), **«Муж Виктории»** (1979), **«Матюшенко обещал молчать»** (1982).

В «Любви к афоризмам» главный герой, 23-летний старший лейтенант Баранов — человек дела и мечтатель одновременно: «Желание немедленно подтвердить делом свое доброе имя нередко выливалось у него в причудливые героические фантазии». Вокруг этой проблемы и возникли споры в критике (помимо стандартных обвинений в очернительстве армии). Главного героя настойчиво сравнивали с Ромашовым из «Поединка» А. И. Куприна, как правило, в уничижительном для П. смысле. Подразумевалось, что советский офицер грез не ведает и стрелять должен без рефлексии. «Армия защищает свой народ и, когда необходимо, стреляет» (Михайлова). На самом деле герой П. в отличие от купринского не растворяет свое «я» в грезах, а, наоборот, выплывает наконец на свет божий из юношеского романтического тумана. Сходство сюжетных ситуаций остается заметным в обоих произведениях, но это естественное сходство разными эпохами по-разному переживаемых одних и тех же коллизий. Раздвоенность мучительна для панинского героя, но она же и привлекательна в нем. Она следствие полноты, неисчерпанности душевной жизни молодого человека, решительно готового к выбору пути. С реалистической